

Светлана Серова

ПОВОРОТ

КНИГА
ПЕРВАЯ

Светлана Серова

Поворот. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27056692

ISBN 9785448588044

Аннотация

Эта книга – о советском детстве и юношестве глазами ребёнка и подростка, но в переосмыслении уже взрослой героини, живущей в настоящее время. О Москве 60-х и 70-х годов, о дружбе, о первых любовных переживаниях, становлении личности и выборе пути.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Поворот

Книга первая

Светлана Серова

© Светлана Серова, 2019

ISBN 978-5-4485-8804-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Тринадцатое июня. Москва. Я начинаю писать свою книгу. Дождь льёт с утра. Весна была странная. Снег сошел ещё в марте, и все радостно надели туфли. Но тепла так и не последовало. Кратковременные мокрые снегопады случались даже в мае, а в начале июня по Москве прокатился настоящий ураган с жертвами и разрушениями.

Я живу на втором этаже, из моего окна виден небольшой парк, и ветви цветущей сирени даже заглядывают на кухню, а по ночам слышны устрашающие вопли дерущихся котов, живущих в подвале. В пять утра разливаются трели соловьёв и слышно скромное щебетание еще каких-то птичек, всем менее известных.

На подоконнике два ярких пятна. Своими великолепными аристократическими цветами азалия-бонсай и орхидея облагораживают мое скромное, но уютное жилище. Вместе с их ароматом приплыло облачко стихов:

*Азалия-бонсай и Орхидея
Цветут на подоконнике моём...
Очаровательницы, Галатеи!
И создал их не садовод – Пигмалион!*

Я тут же отогнала назойливое облачко. В молодости я

баловалась стихами. Стихи были далеки от совершенства и являлись последствием очередной влюблённости. Позднее, в более зрелом возрасте, со мною приключилась яркая любовная история, и я написала целый цикл стихов, на мой взгляд, уже зрелых и более совершенных, и один мой приятель даже издал их в крошечном тираже в своей промышленной типографии. Но надо было заниматься их маркетингом, раскруткой, если хотите, и что-то как-то не случилось. Не до того было, ибо жизнь диктовала свои правила и ставила свои задачи, подчас ну очень трудно выполнимые.

Писать стихи – это сродни навязчивому состоянию. Приплывает несколько строк. К ним цепляются другие, и пошло-поехало... Ты ищешь подходящие слова. Ты чувствуешь: они где-то есть, где-то проплывают в космосе над тобой в общем вихре чужих слов и мыслей. И тебе надо чрезвычайно сосредоточиться, заметить их в этом мчащемся непрерывном потоке и выудить их из него. Это длится часами, днями, месяцами. Пока не сформировалась рифма. Пока не зазвучала мелодия стиха. И последние аккорды, которые должны поставить смысловую и эмоциональную точку. Это весьма мучительное состояние. Мне бы не хотелось его повторения.

Не беспокойтесь. Моя книга – не о муках творчества, которые никому не интересны. И я начала писать роман не потому, что не люблю писать стихи или у меня не получается это делать (последние были, и правда, ну очень, очень недурны). Какой вздор даже предположить это! Я хочу рас-

сказать вам о жизни одной женщины. Жизнь каждого человека, на мой взгляд, достойна описания. Любой человек – это ненаписанная книга или неснятый фильм, ибо судьбы неповторимы, и каждый раз вас ждет оригинальный сюжет.

Я хочу вам описать жизнь этой женщины, потому что... Потому что хочу. Она мне интересна. Она принадлежит моему поколению.

Моему поколению посвящается...

Все события и персонажи вымышлены. Любое сходство с реальными событиями и людьми следует считать совпадением.

Глава 1

Я сдала машину в ремонт. Поцарапали бампер на служебной парковке. Приехала на работу на глянцевой и чистенькой. Вышла в перерыв, смотрю: перед ней впритык припаркована другая машинка. Грязненькая и старенькая. Не в этом дело, конечно. А вечером выхожу – на переднем бампере царапины. Владелица грязненькой всё отрицала; на камерах данное место не просматривалось, а вызвать полицию было некогда, так как я торопилась на встречу и был уже заказан столик в ресторане. К счастью, я являюсь владелицей, можно сказать, культовой марки, и условия страхования предполагают два обращения без предоставления справки от полиции. Итак, сдав машину в ремонт и будучи обласканной и облизанной угодливыми сотрудниками автодилера, я в прекрасном расположении духа вышла на улицу и оказалась в прозрачной, ещё не одетой в зелёный наряд Москве, дышащей свежим весенним майским воздухом. Город был полупустой, так как большинство горожан разъехались на первые дачные работы, а те, кого не затронул затянувшийся кризис, и вовсе улетели в тёплые края, успешно соединив все майские праздники в приятные каникулы.

Я решила прогуляться до Проспекта и там сесть на наземный транспорт, а не спускаться в тёмную подземку. Прекрасная погода сопутствовала моему решению, и я отправилась

в путь. Я проходила мимо здания одного из престижнейших вузов столицы. Студенты, не по погоде уже по-летнему одетые, а вернее, полураздетые, взъерошенные и возбуждённые от молодости и первых солнечных лучей, вывалили толпой на улицу и сбились в кучки и весело щебетали, как весенние пташки.

Я дошла до Проспекта и села в троллейбус. Как невероятно изменилась Москва! То есть я не хочу сказать, что сделала для себя открытие, что произошли огромные внешние перемены. Просто большую часть времени, путешествуя по городу, я провожу за рулём и даже в пробке сконцентрирована на вождении, тут уж не до детального разглядывания очертаний зданий и других объектов городской архитектуры. Это, можно сказать, мой родной Проспект, где я родилась и где локализовались основные события моей юности.

Я внимательно и с удовольствием разглядывала мелькающие перед окошком здания, пытаюсь вспомнить, что находилось здесь во времена моего детства и студенчества. Проспект, казалось, стал шире и светлее. И тридцать лет назад он был одним из престижных мест жительства в Москве, а в настоящее время является лакомым кусочком для застройщиков, за который, я думаю, ведутся жестокие коммерческие войны. Жильё VIP-класса, яркими кирпичиками гигантского Lego-конструктора выстроившееся вдоль проезжей части, несомненно, радовало глаз.

В конце моего пути в троллейбус вошла весёлая старуш-

ка лет семидесяти пяти. На голове был повязан голубой платочек. Красный свитер, из-под которого торчала голубая водолазка. Зелёные брючки и салатový плащик. Яркий бразильский образ дополняли красные ботиночки и розовая сумочка. Старушка пребывала в приподнятом предпраздничном настроении и была весьма довольна собой. На сумочке красовалась прикреплённая георгиевская ленточка. Старушка-веселушка резво плюхнулась на свободное сиденье рядом с молодым киргизом, у которого были настолько узкие глаза, что виднелись одни только щёлочки. Старушка оказалась опытным агитатором и всего за несколько секунд обратила киргиза в свою веру, торжественно вручив ему такую же георгиевскую ленточку. Он смущённо мял её в руках, явно не зная способов её применения. Старушка немедленно склонила его к тому, чтобы и он привязал ленточку к своему рюкзаку. Удовлетворилась она лишь на секунду. Обратив свой взор на сидящих напротив пассажиров, она и их щедро одарила ленточками. Поскучав без дела пару минут, старушка вдруг уставилась на меня, буквально просверливая меня своим пронзительным взглядом. Я, честно говоря, вся затрепетала, испугавшись, что окажусь ей не по нраву. Я была в белом кардиганчике, белой мини-юбке на голые ноги и полосатом топе. В «прогульном» наряде для общественного транспорта. Всё по пять евро из Италии. Но стиль! И белая шляпка. На моё счастье старушка, явно не равнодушная к моде и дизайну, судя по её прикиду, осталась довольна

моим обликом и с одобрительной улыбочкой подняла вверх большой палец, объявив свой модный приговор: «Класс!» Облегчённо вздохнув, я с лёгким сердцем и совершенно искренне поздравила её с грядущими праздниками и вышла на следующей остановке. Через сто метров я уже была возле дома, в котором родилась, и школы, в которой училась.

Глава 2

Меня зовут Анастасия Николаевна Анникова. Я родилась в шестидесятые. Разумеется, я очень малое помню из своего раннего детства, но до сих пор с благоговейным трепетом смотрю фильмы той эпохи и восторгаюсь ею. Мне нравится буквально всё: минималистские контуры той моды, чёткая геометрия в нарядах, домашнем убранстве. О, эти милые напольные торшеры, стильные полочки для книг и остроконечные журнальные столики! О, эти стильные женщины с бабеттами на голове а-ля Бриджит Бардо, в маленьких немнущихся платьях из кримплена (моя мать тоже выглядела примерно так, светлая ей память!). О, эти очаровательные песенки Майи Кристалинской, и загадочный припев «Трололо» Эдуарда Хилия, доносящиеся из каждого весеннего оконца! Дух оттепели просто носился повсюду, окрашивая серую советскую жизнь в яркие тона. Симпатяги-автоматы с газированной водой, у которых мы кружились стайкой после уроков. Три копейки – и счастье переливалось через края стакана, весело бурля и пенясь от избытка своей полноты.

Из самого раннего детства помню весёлые затеи моей бездетной тётушки, которая брала меня на руки, и мы вместе пели и танцевали зажигательную летку-енку. Впрочем, тёте следует посвятить отдельную главу, так как она сыграла не последнюю роль в моей жизни и моём становлении как

личности, что я и сделаю позднее.

Мы жили в трёхкомнатной квартире: родители, мой брат, сестра и я. Вернее, в одной из комнат этой квартиры. В средней жили соседи, угрюмая бездетная пара безобидных слабоумных алкоголиков, а в третьей – тётка и бабушка по отцовской линии. Отец работал слесарем на заводе, а мама нянечкой в детском саду. Так что можно сказать, что я выходец из самой что ни на есть классической рабочей советской семьи, девочка из рабочего класса.

Отец, Николай Александрович Горбунов, был высокий худощавый мужчина с золотистыми волосами, абсолютно правильным прямым носом и большими синими глазами. Одним словом, красавец, в настоящее время на своих фотографиях напоминающий мне кукольную красоту молодого Леонардо Ди Каприо... Был он человек очень тихий, можно сказать, застенчивый и относился к той категории мужчин, которых называют подкаблучниками. Он никогда не повышал голос, не приходил пьяным, не ругался бранными словами и всю зарплату покорно в день полочки отдавал жене. Впрочем, он не лишён был своего «я» в виде многообразных талантов, которыми был щедро одарён природой. Он великолепно играл на аккордеоне и гитаре, причём был в этом умении самоучкой и достиг почти виртуозного мастерства сам. Он также замечательно рисовал. Когда-то в юности он даже поступил в художественное училище имени Сурикова, но был вынужден оставить его и пойти работать. Время бы-

ло послевоенное, голодное, и бабушка, оставшись с тремя детьми (один из которых, мой несостоявшийся дядя, умер из-за менингита) не справлялась и вынудила подростка пойти на завод. Но, пока он был молод, страсть к рисованию не покидала его. Даже за завтраком в выходной он сидел с альбомчиком и делал кое-какие наброски, за что получал от мамы нагоняй по непонятным для меня причинам. Он делал весьма искусные копии фламандских мастеров натюрмортов XVIII века, таких как Питер Клас и Виллем Клас Хеда. Также он почитал русских художников-реалистов XIX века: И. Шишкина, И. Левитана, и просто обожал мариниста И. Айвазовского. Отец покупал открытку или репродукцию, называемую тогда «эстампом», и вполне профессионально, очень точно, на холсте маслом писал копию и даже каким-то образом умудрялся старить полотно. Лучше всего ему давались натюрморты, на которых вино в старинном бокале играло переливами красок, а лимон со сползающей с него витеватой корочкой, казалось, так и брызнет соком в глаза. Две такие картины до сих пор висят у меня в квартире, и я, к своему стыду, никак их не отреставрирую и не облечу в новые рамы. Всё как-то руки не доходят, да и средств лишних нет, а дело это хлопотное, если делать – то как следует, а иначе и смысла нет. Но я дала ему слово (мысленно, конечно, ведь его тоже давно уже нет), что обязательно это сделаю.

Иногда он брэнчал на гитаре всем хорошо известные романсы Александра Вертинского и Петра Лещенко. Времена-

ми он исполнял композиции на аккордеоне, причём любил это делать в летнюю пору и при открытом настежь окне, очевидно, ожидая, что его исполнение будет услышано, и, видимо, подсознательно желая иметь аудиторию и получать знаки признания, чем выводил мою маму из себя. Она устраивала скандал, крича, что он не мальчишка, а отец семейства, и что не должно ему вести себя подобным образом. Когда он умер в возрасте семидесяти двух лет (она пережила его на целых десять лет), частенько, заслышав звуки аккордеона или какую-то из исполняемых им песенок, она пускала скупую слезу, говоря, что, мол, папа тоже это пел, чем вызывала у меня бурю внутреннего негодования: «Что же ты при жизни так не умилялась его таланту?!» Одним словом, мой отец не сумел реализовать свои многочисленные способности, таким драматическим образом сложились обстоятельства его жизни.

Всем в семье заправляла моя мама Галина Петровна Горбунова. Она была властной и предприимчивой женщиной. Жили мы очень скромно, но я не помню недостатка в чём-либо, хотя только теперь я осознаю, какими усилиями ей доставалось это видимое благополучие многодетной семьи. Помимо довольно утомительного труда нянечки, ради дополнительного заработка мама взялась убирать подъезды и их мусорные отсеки. Делала она это либо очень рано утром перед тем, как отправиться на свою основную работу, либо очень поздно вечером, уложив спать младшего брата (сестра ещё

и не родилась) и закончив домашние дела, которые, впрочем, у неё никогда не заканчивались. В таких случаях она почему-то брала меня с собой, видимо, чтобы не чувствовать себя одинокой в тёмном опустевшем помещении... Она начинала уборку с самого верхнего этажа, и я поэтапно спускалась с ней вниз, этаж за этажом, пока мы не достигали мусорного отделения. Однажды почти в кромешной тьме (подъезд довольно плохо освещался) я натолкнулась на крышку гроба, прислонённую к стенке рядом с квартирой, в которой, очевидно, пребывал свои последние дни на земле неизвестный покойник. От испуга я заорала диким голосом и резко отшатнулась, оттолкнув крышку. Она качнулась, зловещим образом угрожающе зашаталась и чуть не прихлопнула меня. Мама подроспела на помощь, однако с криками и руганью, что мне не надо лезть, куда не следует! Вызволив меня из беды и придав крышке более устойчивое положение, она продолжила трудиться, но я уже ни на шаг не отступала от неё и ещё долгое время опасалась заходить в подъезд в страхе увидеть нечто подобное.

Итак, ступенька за ступенькой мы спускались в мусорный отсек. Его уборка мне нравилась, эта работа даже казалась таинственной и увлекательной. В огромном мусорном баке, который представлялся мне сундуком с острова сокровищ, всегда можно было найти какую-нибудь диковинную вещь, или красивый лоскут ткани (который в виде нарядного шарфика я прилаживала потом к своей кукле), или сломан-

ную игрушку. Повзрослев, я мучительно стыдилась этих воспоминаний, и старалась от них избавиться, и никогда никому не рассказывала об этой маминой работе, но сумела психологически преодолеть этот детский опыт только уже в зрелом возрасте.

У мамы, помимо трудолюбия или, я бы сказала, необходимости проявлять трудолюбие, ибо на работу она ходила без особого желания (да и как можно было с желанием ходить на подобную работу), была предпринимательская жилка. В соседнем доме располагался популярный во всей Москве универмаг, в котором часто появлялись дефицитные в то время товары. Мама сама придумала или её надоумили подружки, теперь уже и не знаю, и никто мне не расскажет, но они небольшой компанией вставали ни свет ни заря и занимали очередь в универмаг, таким образом первыми получая доступ к дефицитным товарам, а потом перепродавали его по повышенной цене страждущим из очереди. В то время это занятие называли спекуляцией и оно влекло за собой тяжёлые правовые последствия, хотя в условиях рыночной экономики мама легко могла бы стать business woman и, думаю, у неё бы быстро пошли дела, ибо она была шустра, хитра, проворна – смелая, даже дерзкая натура. Папа её робко поругивал за это занятие, но она и слушать его не желала, пока однажды «наглых спекулянтток» кто-то серьёзно не спугнул и они прекратили своё предпринимательство.

Мама приносила остатки еды из детского сада, не объед-

ки, конечно, а именно остатки, то, что полагалось детям, которые не пришли в тот день в садик по каким-то причинам. Впрочем, еда меня мало интересовала. Пищу в меня приходилось буквально вталкивать. Я была худющей, но с длинными ногами и гибкая, как пластилин, настоящая гуттаперчевая девочка. В то время существовала такая практика: тренеры крупных спортивных клубов ходили по школам и присматривали себе будущих чемпионов. Они заходили во время урока в класс и просили детей встать. Осмотрев всех оценивающим взглядом, нескольких выделенных выводили в холл и просили проделать кое-какие упражнения, оценивая гибкость и прочие качества. Так вот я уже год, наверное, как занималась спортивной гимнастикой, а меня всё выбирали и выбирали, приглашали и приглашали. Я совершенно уверена, что если бы родители не положили конец моим занятиям (они стали мешать учёбе, и ещё мама очень беспокоилась, чтобы я не получила травму, летая на брусках разной высоты), то я бы сделала отличную спортивную карьеру, ибо имела все к тому данные, да ещё и обладала полным бесстрашием.

Из скромного ассортимента развлечений помню семейные воскресные походы в парк и катание на каруселях, а иногда прогулки на речном трамвайчике – в летнюю пору, разумеется. Тогда все семьи имели примерно одинаковый незатейливый досуг.

Соперничества в одежде среди детей тоже в те времена

не было. К тому же мы носили в школу обязательную школьную форму с чёрным передником или с белым на праздничное мероприятие, и были мы все одинаково счастливые советские детишки, ибо и сравнивать нам особо было не с чем. Гаджетов, разумеется, в помине не было никаких, так что мы просто были вынуждены креативить и выдумывать разные игры во дворе, что мы и делали весьма успешно. Двумя любимыми играми были казаки-разбойники и «Мэри Поппинс». В первую игру играли все дети в возрасте шести – двенадцати лет. Откуда такое название и кто был соловьём, а кто – разбойником, не могу сказать. Мы делились на команды и бегали по дворам, скрываясь друг от друга и рисуя на асфальте стрелы, не то указывающие направление поиска, не то запутывающие противника. А вот игра в «Мэри Поппинс», я не постесняюсь сказать, – моя личная идея, блестящая выдумка, столь понравившаяся моим подружкам, моя интеллектуальная собственность, как заявила бы я сейчас. Я первая из подружек прочла популярную книжку английской писательницы Памелы Трэверс, которую мне посоветовала моя замечательная учительница русского языка и литературы. И просто очаровалась ею. И заставила своих подружек прочесть её. И предложила играть в персонажей этой книжки, фактически воссоздавать во дворе сценки из неё, благо мы знали её практически наизусть. Мои подружки признали за мной право быть Мэри Поппинс, поскольку я предложила идею. Эти игры были величайшим удовольствием, и мы

могли играть изо дня в день, и никому не надоедало.

Нас было не то четверо, не то пятеро. Некоторые персонажи как-то быстро вышли за рамки сюжета моей судьбы, другие ещё какое-то время оставались действующими лицами. Добрая толстуха Катя, не обижающаяся на детские дразнилки по поводу её лишнего веса и за раз съедающая две буханки белого хлеба – по свидетельствам её матери, которая дружила с моей. О Кате мне известно, что она стала милиционером после школы и сразу вышла замуж, и более мы с ней контакт не поддерживали. Маша, которая параллельно училась в музыкальной школе, очень, как сказали бы сейчас, продвинутая и мотивированная девочка, очень целеустремлённая, впоследствии ставшая преподавательницей музыки по классу фортепиано в Гнесинке (Музыкальном училище имени Гнесиных) и дававшая частные уроки детям из Рублёвских семей, в общем, весьма успешная особа, контакт с которой утратился сразу после седьмого класса, так как она ушла из нашей школы и поступила в музыкальное училище. Третья девочка была Наташа. Она ещё долго будет присутствовать в моём повествовании. Был, кажется ещё кто-то, уже и не припомнить. И вдруг появилась Нина. Её семья переехала из другого района, и она была переведена в нашу школу, когда мы учились в третьем классе, то есть нам было по девять-десять лет. Нина стала значимым персонажем истории моей жизни, и у меня с ней сложились неоднозначные отношения, хотя долгое время она была моей ближай-

шей подругой. Она была невысокая, средней пухлости девочка, несколько изнеженная, будучи единственным очень поздним ребёнком своих родителей (её мама родила в возрасте за сорок, что в те времена было неслыханным, а отец был ещё старше матери), и немного заторможенная. Нам она казалась немного глуповатой, но она как-то тихо втёрлась в нашу компанию, и мы её оставили. Безусловными лидерами были Наташа и я, и когда мы играли в семейные пары, то мы с Наташей всегда играли роли мужей, наверное, потому что все привыкли, что мы принимаем решения.

В общем и целом, детство уже сознательное, которое я хорошо и ясно помню, было, как бы сказал сейчас мой сын, прикольное и весёлое.

Глава 3

Я прошлась по двору. Шлагбаумы. В моём детстве во дворе пятнадцатиподъездного дома было припарковано максимум пять-шесть частных автомобилей, являвшихся бесспорной гордостью их владельцев, и время от времени останавливались ожидающие заблудшие такси с зелёным огоньком. Теперь всё свободное пространство заполнили машины класса люкс.

Скверики и клумбы переделаны, перекроены. Детская площадка европейского стиля. Ни кустика. Когда мы играли во дворе, мы прятались в зарослях высоких кустарников и бурной растительности. Летом можно было сорвать вишенку и съесть малинку. Теперь кое-где «химическая» жидкая травка и залысины из голой земли.

Я направилась вверх, к школе. Опять шлагбаум, посторонним въезд запрещён. Я шла по дороге, огибающей школу. Вдоль неё росли очаровательные китайские яблоньки, крошечные тёмно-бурые плоды которых мы с удовольствием лопали в сентябре, не обращая внимания на протест мам, которые боялись, что животы разболятся. Ничего, животы каким-то чудным образом справлялись. Я обнаружила, что яблоньки на месте, хотя их стройный ряд тоже заметно поредел, а вот школьного садика почему-то не стало. Возле школы была, как водится, спортивная площадка и небольшой

садик, полный плодоносящих кустарников в виде смородины, крыжовника и прочего. В садик выходила отдельная пристройка, в которой проходили уроки домоводства для девочек. Пристройка состояла из нескольких комнат: одна была оборудована швейными машинками, в другой была плита и кухонная утварь для уроков кулинарии и ещё всякая всячина. Уроки домоводства вела наша соседка по этажу, квартира слева. Марина Вячеславовна Лысенко. Она, можно сказать, дружила с моей мамой. Вернее, приходила к ней плакаться на своего мужа. Их семья состояла из трёх человек: она, её муж и их сын, старше меня лет на пять. Втроём они занимали полноценную двухкомнатную квартиру, что являлось непозволительной роскошью по тем временам. Её муж Андрей Михайлович был лётчиком-испытателем, и Марина Вячеславовна одевалась как кинозвезда, тем более, что она и сама умела прекрасно шить и была великолепной рукодельницей. Работала она в школе так, от тоски, не зная, чем занять свободное время. Но, надо отдать ей должное, делала она это от души, и мы, девочки, просто обожали её уроки и души в ней не чаяли. Что касается меня, то я была просто влюблена в неё.

Она, несомненно, была хороша собой, и, как я поняла в подростковом возрасте, очень сильно походила на культовую советскую актрису Марину Неёлову – те же чувственные губы, изящный нос, немного жеманная.

Марина Вячеславовна иногда приглашала меня к себе

в гости. Это было настоящим праздником, огромным событием. Её квартира являла собой совершенство вкуса и стиля. Элегантная мебель. Приглушённый свет торшера. Лаконичные контуры дивана и кресел в гостиной. Модные эстампы с какой-то абстракцией на стенах. На журнальном столике иностранные журналы (видимо, привезённые мужем из каких-то поездок), и из которых Марина Вячеславовна сама проектировала изумительные выкройки и шила себе невероятную по тем временам одежду.

У её кошки была редкая для той действительности порода – сиамская. И мы с братом и сестрой, привыкшие глазеть на ординарных серых или полосатых васек и мурок во дворе и в деревне у бабушки, как замороженные наблюдали за заморской красавицей с необыкновенным окрасом и чарующими голубыми глазами. Кошка время от времени приносила котят, и визиты к Марине Вячеславовне во время кошкиного материнства были вообще ни с чем несравнимые мероприятия. Котята были прелестные, живое очарование! Марина Вячеславовна позволяла нам наиграться власть; тискать их было настоящее блаженство, и мы необычайно счастливые возвращались домой.

Она изумительно готовила. Какие-то невероятные выпечки, печенья с вкуснейшими начинками из неизвестных ингредиентов. Как я понимаю сейчас, Андрей Михайлович также привозил экзотическую еду. Например, один раз Марина Вячеславовна угостила нас с братом и сестрой медве-

жатиной. Это был огромный кусок, видимо, тушёного мяса. Очень красный и непривычный на вкус, который хозяйка нарезала тончайшими ломтиками и подавала нам.

Дмитрий, их сын, был очень смазливый мальчиком, всегда очень нарядным и немного высокомерным, в которого я была тайно и безнадёжно влюблена в начальных классах и с которым меня ещё не раз сводила судьба в приятных и не очень приятных обстоятельствах.

Андрей Михайлович, безусловно, олицетворял собой мужчину-мечту. Он был высоченного роста, косая сажень в плечах, жгучий брюнет, судя по фамилии Лысенко – украинского происхождения, в лётной форме и фуражке, пахнущий иностранным одеколоном, и, когда он проходил по двору, не только женщины, но и мужчины оборачивались и – кто завистливо, кто с восхищением – смотрели ему вслед. Моя мама не была исключением. Она робела, когда сталкивалась с ним возле входной двери лицом к лицу, и была вынуждена лепетать: «Здрасьте», а отец и вовсе стеснялся пару слов ему сказать, опасаясь, что ляпнет что-то не то, как говорила мама. Несмотря на внешнее благополучие и процветание, семья эта была глубоко несчастлива. Андрей Михайлович был вечно в разъездах и практически не уделял время ни сыну, ни супруге. Но дело было даже не в этом. Несмотря на бесспорную привлекательность Марины Вячеславовны и её нетривиальные кулинарные способности и домовитость, одной спутницы жизни ему было явно мало, чтобы удовле-

творить его неукротимый темперамент и жажду жить на полную катушку.

Что он и делал. Страстно, оставаясь неуязвимым и безнаказанным. И никакие парткомы, весьма популярные среди жён того времени в целях укрощения своих необузданных мужей, ни стенания и мольбы Марины Вячеславовны не могли остановить его. Число любовниц было неисчислимым. Он пропадал у них, они звонили ему домой, выясняли отношения, не стесняясь в выражениях, с его женой. Было такое впечатление, что пол-Москвы боролось за право удостоиться внимания Андрея Михайловича. Когда же измученная, оскорблённая Марина Вячеславовна, вдруг опомнившись, заявляла о своих правах, то заканчивалось это тем, что она в слезах и с синяками прибегала к моей матери, всхлипывая целый вечер у неё на плече. Впрочем, однажды Марина Вячеславовна взбунтовалась не на шутку, так сказать, учинила настоящий бунт. Дело в том, что она каким-то образом разведала, что её неверный супруг тайно посещает одну из своих любовниц, проживающую у неё под самым носом, то есть непосредственно в нашем же подъезде... Какую секретную агентуру она для этой цели использовала – было покрыто тайной, но, как я догадываюсь, дело не обошлось без участия моей вездесущей матушки, которая, убирая подъезды, знала многих жильцов в лицо, а то и лично, и могла отслеживать их передвижения. Более того, я имею смелость предполагать, что мама состояла в заговорщицах и помогла своей подруге

как в организации заговора, так и в его осуществлении, чему я стала невольным свидетелем.

Итак, разведка донесла Марине Вячеславовне, что соперница жила в однокомнатной квартире на втором этаже. Это была одинокая дама лет тридцати, очень тщательно следящая за собой, всегда имевшая такой вид, будто только что вышла от парикмахера. Она весьма модно одевалась и очень выделялась на фоне простых тружениц, которые, обвешанные авоськами и детьми, по вечерам уставшие возвращались домой, и которых было явное большинство. Кто она была по профессии, никто не знал, поскольку дама избегала близких контактов (не со всеми, как выяснилось), но она часто уходила поздно вечером на работу и возвращалась утром, чем давала повод для презрительных взглядов, насмешек и намёков определённого толка, хотя, возможно, она работала врачом или медсестрой и просто-напросто предпочитала ночные смены.

Как бы то ни было, однажды поздно вечером произошло следующее. Моя мама, как обычно, производила уборку подъезда, и я топталась возле неё. Уборка подходила к концу, и находились мы как раз на втором этаже. Я услышала, как наверху кто-то вызвал лифт. Он спустился вниз, но не на первый этаж, и это показалось мне странным, а остановился на втором. Что было ещё более странным, из него степенно вышла, я бы сказала, выплыла Марина Вячеславовна в одном из лучших своих нарядов и с безупречной при-

чѐской на голове. Мама же, напротив, ничуть не удивилась её появлению, и, как ни в чѐм не бывало, они начали вести тихий разговор, перешѐпываясь, хихикая и переглядываясь. Смотрелись они рядом почти комично: ведущие задушевную беседу уборщица в тѐмном заляпанном рабочем халате с половой тряпкой в руке и нарядная женщина в светлом пальто и белых перчатках. Насыщенность их диалога и полное взаимопонимание выглядело даже чем-то противоестественным.

Тем не менее, в этой милой светской беседе прошло около десяти минут, и я заметила, что Марина Вячеславовна начала поглядывать на часы, как бы нервничая, или от нетерпения; но моя мама упредительным жестом заставила её успокоиться, пообещав, что всё пройдёт, как по маслу, что вот-вот... И действительно, в эту самую минуту дверь однокомнатной квартиры отворилась, и из неё неспешно вышла предполагаемая любовница мужа Марины Вячеславовны. Далее произошло непредсказуемое: стремительно, что называется, в мгновение ока, Тѐтя Марина, как я её называла, белыми перчатками схватила ведро с тѐмной, очень грязной водой (ведь ей уже успели помыть несколько лестничных пролѐтов), выплеснула помои на соперницу с угрожающим возгласом: «Если ещё хоть раз – узнаешь, что будет!» – и, с величественным видом кинув ей перчатки в лицо, словно вызывая на дуэль, удалилась. Соперница явно опешила. Она в течение нескольких минут разглядывала себя, испорченное

пальто, отряхивала волосы, с которых коричневыми кляксами шлёпалась дурно пахнущая вода, потом женщина как бы опомнилась и заорала, завопила не своим голосом, выкрикивая оскорбления и взывая о помощи. Моя мама схватила пустое ведро и меня за руку и устремилась вниз, пока не выбежали соседи. Долго в подъезде стоял шум и гвалт.

Не знаю, притушило ли восстание Марины Вячеславовны любовный жар Андрея Михайловича и его воздыхательницы, но, когда муж вернулся из очередной командировки, она опять прибежала к маме секретничать на кухне. Была тётя Марина явно в расстроенных чувствах и почему-то в солнцезащитных очках, хотя на дворе стояла осень. Из этого всего я, хотя и не понимала все детали происходящего, как и мама, сделала правильный вывод: «Горбатого могила исправит».

Если же Андрей Михайлович запивал на некоторое время (а это случалось, когда он расслаблялся после каких-то сложных моментов на работе), то бедная тётя Марина, как я её называла, практически жила у нас на кухне вместе с Димой, изредка забегая домой посмотреть, не уgomонился ли её муж, и сварить ему бульончика.

Но любила она его безмерно. Настолько безмерно, что даже и не заикалась о разводе и рассталась с ним только тогда, когда в один прекрасный день увезли его на скорой с инфарктом, а потом и в более отдалённое место, откуда, как известно, не возвращаются.

Глава 4

Я смотрела на школу. В настоящее время – это одна из престижнейших спецшкол в Москве, попасть в которую столь же трудно, как и в приличный вуз. Краска другого цвета, разумеется, но внешний облик мало чем изменился. Она была пуста и бездыханна: уроки давно закончились, и все дети и учителя разъехались на праздники. Такая важная в моей жизни школа, вернее, школа жизни, самым крутым образом изменившая ход и траекторию моей судьбы.

Когда меня привели для записи в школу (а в те времена детей соответствующего возраста просто приводили в школу во дворе и принимали в неё), это была самая обычная среднестатистическая средняя школа Москвы. Детям устраивали небольшой опрос в приёмной директора в присутствии родителей. Со мной вошла мама. Имя, фамилия. Почитай три слова. Посчитай до десяти. Стишок расскажи. Вот и весь нехитрый конкурс, и дело в шляпе – вы приняты, поздравляю вас, родители.

Я вышла гордая и довольная. Меня похвалили; брат с сестрой, ожидавшие на улице с папой, завистливо посматривали на меня (они были младше и ещё ходили в детский сад, а я уже стала взрослой, школьницей). Нам всем купили по мороженому, и мы покатались на качелях. Погода была тёплая, августовская, и вечер прошёл замечательно.

Первого сентября мама отвела меня в школу, но возвращалась я уже одна. И не домой. Я шла к ней на работу в детский сад, где вместе с ней находились брат с сестрой; ради этого мне нужно было преодолеть непростой путь, переходя на светофор оживлённую магистраль с бурным движением транспорта. Встречать меня было некому: родители работали, а бабушка с тётей к тому времени переехали в отдельную квартиру в хрущёвке в отдалённом районе Москвы. Я успешно справилась с поставленной задачей и без неприятностей достигла цели.

Так продолжалось изо дня в день. Несколько лет. И вот наступил этот день.

27 мая 1961 года, за несколько лет до моего рождения, было принято Постановление Совета министров СССР «Об улучшении изучения иностранных языков», согласно которому планировалось создание семисот спецшкол с углублённым изучением иностранного языка и написание новых учебников. Волна европеизации, или, я бы сказала, «вестернизации», длиною в десятилетие, наконец докатилась и до моей школы.

Я училась тогда в четвёртом классе. Нам было по десять лет. Оба четвёртых класса собрали в актовом зале и выстроили учеников в две линейки. На сцене сидела некая комиссия из представителей администрации школы и какие-то незнакомые люди из организации с устрашающим и непонятным для нас названием РОНО (Районный отдел народного обра-

зования, бюрократическая структура тех времён, ведавшая школами).

Учеников вызывали по одному. Задавали странные вопросы и просили повторить скороговорки и слова на неизвестном языке. Как я теперь понимаю, это были некие лингвистические тесты для выявления предрасположенности детей к изучению иностранного языка. Тут же создавали два новых четвёртых класса: «А» и «Б», из прежних классов «А» и «Б», только уже в новом, перемешанном составе, в соответствии с выявленной профпригодностью или непригодностью.

Когда меня вызвали отвечать, моя судьба – в то время такая же худенькая и прилежная девочка с двумя косичками, как и я – чинно уселась рядом и всячески направляла мои мысли в нужное русло.

Катя, Маша и Нина угодили в класс «Б», прозванный потом, извините, классом дураков, а мы с Наташей попали в класс «А», с углублённым изучением иностранного языка. Наш класс должен был в режиме «crush course», то есть очень быстро, всего за один год, пройти программу второго, третьего и четвёртого классов (ибо изучение языков в спецшколе начиналось со второго класса), с этой целью и был осуществлён данный отбор. Школа получила статус спецшколы и новую нумерацию, и все последующие за нами классы уже шли по программе спецшколы.

Она была очаровательна. Моя первая «француженка». Её

звали Элеонора Николаевна. Она была очень молода, стройна, мила, весела и к тому же являлась лучшей подругой моей другой любимой учительницы русского языка и литературы, о которой я уже упоминала, – Нины Владимировны. Элеонора Николаевна была воистину парфюмерным созданием. Она так и заявила нам: «Девочки, вы же парфюмерные создания, вы не должны произносить грубые слова!», когда кто-то из девчонок крикнул другой: «Дура!» Парфюмерные создания. Это в то время, когда нам втолковывали, что мы все бойцы, строители коммунизма, до которого уже рукой подать, поскольку по программе Партии он должен был быть построен уже в восьмидесятых. Парфюмерные создания. Неслыханно. Когда же она призналась нам, что прокачалась на качелях все занятия по латыни в Инязе, то в наших глазах она просто сделалась Жанной Д'Арк на летящем скакуне, в развевающемся плаще, с горящим взглядом и ничего и никого не боявшейся. Героиня. Икона стиля, говоря современным языком. Пример для подражания. Очаровательная мадмуазель. К сожалению, она проработала у нас недолго, вышла замуж, и, кажется, уехала с мужем – работником Внешторга – куда-то в торговое представительство за границу.

Но это была мощная культурная прививка. Вы не знаете, кто такая Коко Шанель? Какой стыд! Вы же девочки, парфюмерные создания! Париж с его таинственными огнями и мелодиями аккордеона возник где-то вдали, в туманной дымке, и стал принимать всё более чёткие и ясные очертания. Ма-

лыми дозами, крошечными каплями она прививала вкус советским девочкам, построенным в линейку в чёрных фартуках. Мальчики узнали, что девочку следует пропустить вперёд и что негодяя вызывают на дуэль. Мы все прочли «Собор парижской богородицы» и «Отверженные» и долго и бурно обсуждали эти книги, неистово споря о событиях и героях.

Элеонора Николаевна открыла для меня новый мир. Чарующие звуки французского языка. Были осенние каникулы. Накрапывал скучный холодный дождик. Я бродила в капюшоне по двору, одна, погода – «хозяин собаку из дома не выгонит», как говаривала моя мама, просто дома было трудно сосредоточиться. Я сжимала в кулаке листок бумаги с первыми фразами на французском языке и повторяла их, как таблицу умножения, по много-много раз, пока не запоминала их наизусть, не заполняла ими своё сознание. Я была одержима. Я приобретала своё новое «я», более утончённое, более изысканное, более могущественное, если хотите, поскольку стала чувствовать себя человеком мира, который не заблудится ни в прямом, ни в переносном смысле, ибо сможет объясниться при необычных обстоятельствах. Франция, исконное влечение не одного поколения русских, смутно угадывалась в расплывчатых контурах на полотнах Клода Моне в музее изящных искусств на Волхонке, но была ещё очень, очень далека, была просто нечётким, ученическим импрессионистским скетчем.

Глава 5

Я сделала почётный круг вокруг школы и направилась к метро. Неожиданно совершила открытие. Рядом с моей родной станцией, оказывается, соседствует станция МЦК. Не раз проезжая на машине по третьему транспортному кольцу, я давно заметила эти футуристические, прозрачные платформы МЦК и новые, современные электрички, проносящиеся по ним. И дала себе слово прокатиться. И вот такой случай представился. Оказалось, что можно доехать до моего дома по МЦК, не делая обременительных переходов в подземке. Поезд подошёл не скоро, но он был бесшумным и уютным и напомнил европейские пригородные электрички. На мониторе сообщалось название следующей станции на русском и английском языках. И ещё всякая дополнительная информация. Мне стало комфортно и тепло. Поезд проносился над какими-то бывшими промзонами, ныне пущенными под застройку, рекламирующими строительство жилого комплекса новой категории, города в городе. Вот она, Новая Москва, не в смысле одноимённого района где-то за городом, а Новая Москва, приобретающая новые очертания, несколько чужая или отчуждённая, или отчуждаемая строительными гигантами, отхватывающими себе куски города и изменяющими их до неузнаваемости. Я доехала быстро. Прогулялась от станции МЦК до дома.

Валилась с ног от усталости. Но, придя домой, я выпила вкуснейшего чайку. Чудесный купаж зелёного английского чая с кусочками манго, клубники, лепестками роз, цветками кактуса, ягодами красной смородины и листьями моринги взбодрил меня, и я достала коробку со старыми чёрно-белыми фотографиями и погрузилась дальше в воспоминания.

На фото мама с полуторагодовалым братцем на руках. Сестры ещё не было на свете, она – самая младшая. Мама – миниатюрная женщина в маленьком тёмном платье. На голове – популярная в ту эпоху бабетта. Ей не требовалось носить привычные в то время шиньоны, она обладала своей шикарной шевелюрой до глубокой старости. Носик узкий с птичьим кончиком а-ля Софи Лорен. Жгучая брюнетка с голубыми глазами (цвет которых, к сожалению, не виден на чёрно-белой фотографии). Взгляд пронзительный и страстный. Только теперь я осознаю её гиперсексуальную привлекательность в молодости.

Рядом сижу я. Мне пять лет. Напротив – шкаф со стеклянной дверью, в котором моё отражение: чёлка, хвостик с бантиком, короткая кофточка и юбочка с оборкой. Нога на ногу, ручки охватывают колени, спинка прямая. «Вот уже даже на этой фотографии ты вся. „Васса Железнова“», – говорила моя мама.

С мамой у меня всегда были непростые, в некотором роде состязательные отношения. Впрочем, кто из нас был «Вассой Железновой», можно ещё поспорить.

Моя мама родилась в Украине, в большом селе недалеко от Львова. Пережив ужасы войны, немецкую оккупацию, послевоенный голод и рабскую работу подростком на полях за крошечные сталинские трудодни, она мечтала вырваться из деревни в большой город. Случай представился в виде не то её бывшей соседки по селу, не то какой-то дальней родственницы – сейчас уже и не припомню, да это и не особо важно, – которая уже жила в Москве несколько лет после того, как рабам-колхозникам наконец-то выдали паспорта и они могли вырваться на волю. Мама, учившаяся в ту пору в педагогическом техникуме, умолила женщину взять её с собой, невзирая на бурный протест со стороны её матери, моей бабушки. Так она оказалась в столице. Ей было девятнадцать лет.

Она поработала и горничной, и няней, и кондуктором в трамвае. Вскоре она выучилась на водителя трамвая, и, как она рассказывала, с удовольствием гоняла на пустом трамвае по пустынной ночной Москве. На танцах в парке она познакомилась с отцом, и довольно быстро они поженились, в скором времени родилась я, а затем и остальные дети.

Каждое лето мы ездили в отпуск на Украину, вернее, мама и мы, дети. Своё первое путешествие туда я совершила, когда мне было двадцать дней от роду, рассказывала мама. Бабушка купала меня в каких-то чудесных травах, оттого, я полагаю, и выросла моя чудесная рыжеватая шевелюра.

Папа обычно провожал нас до вокзала. Он оставался ра-

ботать и приезжал только в конце лета на неделю-другую, чтобы всем вместе вернуться в Москву. Мама трепала его за воротничок рубашки и многозначительно повторяла, как заклинание: «Ты только тут без нас не балуй, не балуй!» Поезд отправлялся, и начиналось лето.

Преодолев тысячи километров в плацкартном вагоне, а затем и на нескольких деревенских покосившихся перегруженных автобусах, мы выползали на нашей конечной остановке вместе с немыслимо огромным багажом (банки с тушёнкой для варки супов, консервы, подарки, детская одежда и т. д.)

Остановка находилась на крутом холме, где нас уже поджидала бабушка и откуда нам предстоял спуск к огромному огороду, который казался мне целым полем (а по сути он таковым и являлся), и к дому.

Настоящей «Вассой Железновой» из нас троих, наверное, всё же была моя бабушка, Оксана Тарасовна Бойко, чей характер полностью соответствовал фамилии, которую она носила. Личность сильная и загадочная, поскольку многие тайны её биографии так и остались неразгаданными. «Моя бабушка курит трубку, трубку курит бабушка моя!» – это про неё. Когда маме исполнился годик, она взяла её в охапку и ушла от мужа. Что уж там её не устроило в семейной жизни – покрыто полной тайной. Мама говорила, что, якобы, она явилась плодом не любви, а насилия; и бабушка была вынуждена выйти замуж за её отца, чтобы избежать позора,

но жить с ним так и не смогла, поскольку никогда его не любила. Так это или не так, но поступок по тем временам был неслыханный, тем более в селе. Растила она маму одна, при посильной помощи своей матери, жившей с ними.

Оксана Тарасовна в молодости носила короткую стрижку наподобие каре и кожаную куртку. Работала она заготовителем в колхозе; что входило в её обязанности, я так до конца не поняла, по всей вероятности, она отвечала за поставки, то есть заготовление сельхозпродукции. Знаю только, что бабушка водила грузовик, который назывался «полуторкой», курила, не признавала ничью критику и плевать хотела на общественное мнение. Какими-то мистическими путями она оказалась на каком-то съезде каких-то писателей и много раз с гордостью показывала мне, уже школьнице, старую потёртую фотографию, на которой она была запечатлена вместе с Николаем Островским, написавшим знаменитый роман «Как закалялась сталь», и которую она бережно хранила в сундуке.

У бабушки был незаконнорождённый сын, мой дядя Семён, мамин сводный брат. Кто являлся его отцом – об этом никому не было известно. Бабушка уехала на какие-то очередные «заготовки» и вернулась беременной. Судя по всему, она очень любила его отца, если решилась родить одна, будучи не замужем, и к тому же в селе, где царили предрассудки. В Семёне она души не чаяла, хотя он достался ей очень тяжело, так как был очень слаб здоровьем и страдал

многочисленными недугами. Моей маме было уже сорок лет, когда он родился, и, как она говорила, она очень страдала от «позора», которому подвергла её моя бабушка, и от непосильной функции домашней няньки, которую ввели на неё.

Итак, моя бабушка стояла на горе в ожидании. Она была хрупка и тонка, с сильными и натруженными руками. На голове характерный цветастый платок, под которым собранная в пучок длинная седая коса толщиной с кулак, которую она расчёсывала раз в неделю, обильно поливая волосы керосином, иначе она с ними не справлялась. У неё было худое, узкое лицо с тонким-тонким прямым носом, как на иконе, и лучезарные голубые глаза, нет, даже не глаза, а очи. Как говаривала она, в молодости стоило ей только взглянуть, как загипнотизированный её взглядом объект тут же послушно подходил к ней. Верю, охотно верю.

Мы спускались в дом, где нас ожидал неземной вкусности обед: разумеется, борщ с молодой фасолью и домашней сметаной, куриная лапша ручного изготовления с какой-то фантастической душистой шоколадного цвета подливой, по сравнению с которой меркнут даже ароматы трюфелей, и, конечно, гора пирогов: с молодым протёртым горошком и чесночком, с вишней, с вареньем и так далее и тому подобное...

И начинались весёлые и вкусные каникулы. Вечером тазик огурцов и помидоров размером с небольшую дынь-

ку, утром парное молоко с пенкой, которой меня бабушка заставляла умывать лицо, разбудив для этого специально в пять утра, после первой дойки. «Для красоты, для красоты лица», – любила повторять она.

Мы с братцем сживали на вишне, болтая ногами, поедали её ягоды в немыслимых количествах и пулялись косточками друг в друга.

По распространённой в деревне привычке бабушка топила котят, которые по весне приносила её кошка, но к нашему приезду всегда оставляла одного или двух, чтобы мы могли наиграться с ними вдоволь.

Она держала много кур, и, когда вылуплялись цыплятки, их приносили в дом и оставляли на несколько дней, чтобы отогреть в специально отведенном месте возле печи. Они были жёлтые-жёлтые, как яичный желток, и пушистые-пушистые мягкие комочки, которые весело галдели, сбившись в живое жёлтое пушистое облачко.

Были и утки. В одном выводке оказался хромой утёнок, которого мы очень жалели и кормили с рук. Он стал настолько ручным, что без опаски заходил в дом поклянчить какое-нибудь пропитание. Однажды утка вернулась с пруда без него, шёл сильный дождь, и мы с братцем и сестрой лили слёзы в три ручья, боясь, что наш хромоножка, а вернее, хромолапка заблудился. И случился бы, наверное, настоящий потоп, если бы вдруг во дворе не послышалось отчаянно громкое кряканье. Он сам нашёл дорогу домой! Утёнок был

немедленно занесён в дом, обогрет и обильно накормлен.

В одно лето в малиннике лисица устроила нору и вывела щенят. Их было четверо или пятеро. Лисята были очаровательны и наглы и без страха выходили во двор; но как только подросли, обнаглели вконец и стали тихо подворовывать цыплят, за что в один прекрасный день были изгнаны бабушкиной кочергой из малинника раз и навсегда.

Недалеко от дома был общий колодец, очень низкий, просто бетонное кольцо на высоте полметра от земли, внутри которого плескалась кристально чистая вода. Мы заглядывали в колодец, кричали диким голосом какие-то страшные кричалки, ожидая услышать эхо и стараясь напугать друг друга, тем самым подвергая себя смертельной опасности: ведь так легко было потерять баланс, упасть в воду и утонуть. Однажды мы разбили градусник и катали шарики ртути по полу, наблюдая, как причудливо они видоизменялись, соединялись, втекали друг в друга и вытекали друг из друга, создавая невероятные конфигурации. «А как же ртутные пары? Мы же вдыхали смертельно опасные, ядовитые ртутные пары!», – в ужасе не раз я задавалась вопросом много лет спустя, уже сама став матерью. Но великой Божьей милостью ничего не случилось, и наши рискованные забавы протекали без последствий.

Конечно, иногда мы страдали животами; один раз братец даже угодил с мамой в районную больницу с какой-то кишечной инфекцией, а сестрица разжевала стеклянную пипетку,

оставленную на столике, и ей делали промывание желудка в местной клинике, но тоже всё обошлось.

Не принимая во внимание эти неприятности, можно смело утверждать, что наши поездки были огромным детским счастьем и насыщены яркими впечатлениями. И несмотря на внешнюю бабушкину строгость (мы её немного побаивались), она подарила нам море теплоты. Не являясь глубоко верующим человеком, именно она первая рассказала мне про загадочную Божию мать, которая бежала с младенцем на ослике от каких-то злодеев и ещё много, много тогда непонятных, но очень-очень интересных вещей.

В детстве я никогда не была на море. Я увидела море в первый раз, когда мне исполнилось девятнадцать лет. Но я совершенно не жалею об этом. Мои украинские каникулы были наполнены солнцем и приключениями и, что немало важно, заложили основу моего здоровья. Спасибо всем, принявшим участие.

Глава 6

Я посмотрела на часы. Было уже восемь вечера. «Надо бы тётке позвонить, узнать, как у неё дела», – подумала я. Она – одна из немногих оставшихся в живых моих старших родственников и самая близкая из них по крови. Но позвонить ей – дело непростое. Может казнить, а может и помиловать. Может отвергнуть, скороговоркой пробурчав: «У меня давление. Не могу говорить, храни вас всех Господь», а может и поболтать.

Елена Александровна Царёва – сестра моего отца. Одинокая дама, побывавшая два раза замужем, неудачно сделавшая операцию по прерыванию беременности в своё время и, как печальное последствие, оставшаяся без потомства. В молодости была очень хороша собой, этакая клубника со сливками, высокая, то блондинка, то рыжая, в зависимости от доступности на прилавках краски для окрашивания волос. С большими зелёными глазами. Имела она аппетитные формы и очень недурно одевалась. Осенью приходила она в наимоднейших лакированных сапогах цвета морской волны, всегда с причёской и маникюром. Работу меняла часто, как и своих мужей, из которых законными были двое. Работала она корректором в разных издательствах, в том числе в типографии ТАСС и в Министерстве нефтяной промышленности. В моих детских глазах она выгодно

отличалась от моей несколько замученной хлопотами мамы, надевавшей нарядное платье и делавшей причёску разве что для фотографирования или по праздникам. Не обременённая семейными заботами, тётка регулярно ездила на отдых в Крым в поисках счастья, которое всё не случалось, и, поскольку не имела своих детей, а гормональный фон требовал своего, всю свою потенциальную нереализованную материнскую нежность она подарила мне.

Первый поход в театр был с ней. МХАТ. «Синяя птица». Мы длинной вереницей идём за синей птицей, мы длинной вереницей... Мы сидели в бельэтаже и смотрели в бинокль. Сцена была далеко-далеко, и актёры казались кукольными. Зрительный зал был огромен, кресла – необыкновенно мягкие и удобные. Музыка звучала таинственно... Мы длинной вереницей... В антракте мне купили невиданное пирожное с розочкой и стакан дюшеса. Когда мы вышли из театра, я не могла говорить... Я пережила потрясение. Мне было лет шесть, и я твёрдо решила стать артисткой и ходить на цыпочках по этой сцене в воздушном лиловом платье и полущёпотом петь: «Мы длинной вереницей...» И это желание укрепилось во мне со следующими походами и воплотилось в попытки поступить в театральное училище после школы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.